

2010. URL: <http://lib.icr.su/node/1239> (дата обращения: 27.08.2010).
7. Аванесов С.С. Нормативность культуры // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всеросс. семинара молодых ученых. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. VIII. – С. 12–15.
 8. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
 9. Соловьев В.С. Право и нравственность. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 190 с.
 10. Нормы научной этики общества Макса Планка // Наука в Сибири. – 2002. – № 4–5. – С. 8.
 11. Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – 352 с.
 12. Черникова И.В. Философия и история науки. – Томск: Изд-во НТЛ, 2011. – 388 с.
 13. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 382 с.

Поступила 26.01.2012 г.

УДК 001.2

ТОТАЛЬНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ

А.П. Чубик

Томский политехнический университет
E-mail: chubikap@tpu.ru

Показано изменение статуса коммуникации в современном обществе на основании все более популярного понятия «симуляция», направленного на создание искусственных потребностей в рекламе и положительного политического облика баллотирующегося на тот или иной пост кандидата. Было обнаружено, что вместо ожидаемого диалога рождается тотальная манипуляция, имеющая целью скрыть действительность под маской ожиданий.

Ключевые слова:

Общество, коммуникация, искусственная потребность, тотальная манипуляция.

Key words:

Society, communication, artificial demand, total manipulation.

Современная культура акцентирует внимание на исключительном статусе коммуникации и коммуникативных технологий в обществе. Широко распространены термин «взрыв коммуникации», который переносит акцент на управление, организацию коммуникативных процессов. Коммуникация (лат. *communication* – сообщение, передача) представляет собой действие, сознательно ориентированное на его смысловое восприятие. Суть коммуникации состоит в том, что участники коммуникативного процесса, владеющие нормами семиотической системы, стремятся осмыслить информацию, выражающую смысл ситуации в элементах определенной семиотической системы, а так же мотивы и цели, определяющие характер, смысл и направленность данного процесса, и наконец, сам процесс передачи информации.

В рамках философских исследований языка и знаковых структур было радикально трансформировано понимание природы коммуникации, возникли новые подходы к ее исследованию и организации. Так Н. Луман, обращаясь к проблеме коммуникаций, вводит понятие «саморегуляции» как того, что определяет тождественность системы через отношения между ее элементами; только внутри системы может быть установлено, что к ней относится, и что ей принадлежит [1]. Коммуникация предстает в таком подходе как ограничитель, допустимый в системе отношений. Понятие коммуникации у Н.

Лумана тождественно определению социального: с помощью коммуникации система выделяет себя из среды и отличается от всего, что не является коммуникацией, она служит и элементом, и операцией системы, коммуникация о коммуникации создает самописание общества и одновременно воспроизводит его. Для того чтобы коммуникация могла заниматься сама собой, она должна быть достаточной степени сложности, язык же обеспечивает структурное соединение коммуникации и сознания. В данной интерпретации можно обнаружить базовую характеристику тотальности коммуникации, которая даже без учета глобальных культурных изменений современного общества, всегда присутствовала в обществе: это ее социальные корни (ведь задача коммуникации воспроизводить имеющуюся структуру, а это даже в большей степени присуще первобытному строю, где воспроизведение одних и тех же культурных стереотипов воспринималось как должное) и языковая природа, а язык сам по себе является тотальностью по отношению к человеку, потому что его структура и содержание определяют осмысление субъектом себя и окружающего мира. Коммуникация при таком подходе оказывает то же влияние на человека, что и тоталитарный режим, задавая влияние на всех уровнях его бытия. Однако современная коммуникация выстраивается на более сложных и неоднозначных основаниях, которые следует изучить, прежде чем что-то утверждать.

Ю. Хабермас рассматривает коммуникацию в качестве базового социального процесса, как повседневную практику людей, и считает процессы коммуникативной рационализации в качестве структурирующих общественность. Автор полагает, что развитие коммуникативных практик и коммуникативная рационализация лежат в основе современного гражданского общества [2]. В своих рассуждениях Ю. Хабермас исходит из того, что важная в основе европейского мышления субъект-объектная оппозиция обуславливает в качестве типового и субъект-объектное «извне деформирующее» отношение к миру. В этой связи он указывает на необходимость переориентации на принципиально субъект-субъектную структуру, моделируемую межличностным общением. Эта структура трактуется им не как социальное взаимодействие, а как глубинная содержательная коммуникация в личностно значимой ее артикуляции. Ю. Хабермас полагал, что формы «коммуникативного поведения», отраженные в коммуникативных практиках, не могут быть выражены структурами социальных институтов современного общества, так как они сконцентрированы вокруг технических вопросов, что порождает разорванность сферы подлинности реального жизненного мира и системы легитимации и институционализации современного общества. Свобода, выступающая одним из культурообразующих принципов современного общества, порождает перенос акцентов на культуру, переориентацию ее приоритетов со сферы отношений человека, выстроенных в режиме «субъект-объект» и задающих соответствующий деформированный и одновременно деформирующий стиль мышления, на сферу межличностных коммуникаций, обладающих диалогичной природой. Этот процесс по Ю. Хабермасу связан с «коммуникативной рациональностью» в основании которой лежит субъект-субъектная структура. Мыслитель разрабатывает концепцию дискурса как специальной формы речевой коммуникации, основанной на рефлексивном диалоге, в котором «коммуникативное поведение» реализует себя в актах интеракционизма, основанных на проявлении смыслов. В «Теории коммуникативного действия» Ю. Хабермас [2, 3] настаивает на том, что лишь в освобожденном обществе, реализовавшем разумность своих членов, коммуникация могла бы развиваться в свободный от принуждения диалог всех со всеми, который является примером как взаимного формирования самотождественности, так и идеи истинного согласия.

В данной концепции проявляется новое видение коммуникации не как односторонней передачи какой-либо информации, нацеленной на воспроизводство социальной структуры, а как способа взаимодействия субъектов, нацеленного на формирование качественно иной социальной действительности. И хотя налицо значительная трансформация подходов к пониманию рассматриваемого феномена, влияние его на общество остается то-

тальным, меняется лишь его структура. Ведь даже субъект-субъектный диалог, дискурс должны охватывать «человека в целом», а не отдельные его части для того, чтобы были возможны трансформации его внутреннего мира. Однако, вместо положительного воспроизведения общественных взаимоотношений, обнаруживаемого в теории Н. Лумана, в теории Ю. Хабермаса находит отражение идея искусственного изменения окружающей среды, основным средством которого выступает коммуникация, которая базируется на тотальности языка, представления о котором в современных философских направлениях полностью меняются.

Во времена Соссюра язык представлял собой систему знаков, где смысл знаков становился понятным благодаря изучению отношений между знаками в системе. Особое значение придавалось бинарным оппозициям. Язык воспринимался как объективное упорядоченное целое, способное выразить истину, то есть мир таким, каков он есть. В этом смысле не язык являлся тотальностью для человеческого сознания, а мир, который через него проговаривался. В постструктурализме ситуация кардинально меняется: язык и знак воспринимаются как объективно существующее пространство, не связанное ни с человеком, ни с действительностью. Знак при таком подходе превращается в фикцию, это лишь иллюзия, он выступает полной противоположностью самому себе, так как не указывает на какой-либо предмет или смысл, а, наоборот, на его отсутствие. Знак и смысл превращаются в фикцию, симулякр, маскирующий отсутствие актуального смысла, и предлагающий взамен свои многочисленные коннотации. Он превращается в след любого явления, так как не имеет никакого отношения к предмету. Да и весь язык уже не представляется строгой системой порядка. Он становится воплощением беспорядка и нестабильности, он метафоричен. Язык и текст приобрели самостоятельное значение, представляя собой способ упорядочения бытия согласно правилам, задаваемым культурным дискурсом. Все это привело к пониманию текста как к закодированной, образно или символически выраженной информации. На первый план вышел вопрос о взаимоотношениях текста и способах его прочтения.

Постструктуралисты, согласно И.П. Ильину [4], отрицают возможность единственно правильной интерпретации текста и отстаивают тезис о неизбежной ошибочности любого прочтения. Подобная ошибочность, возникающая из-за чрезмерной власти языка и наслаивания одного текста на другой через цитирование, подробно описывается Ж. Деррида, который рассматривает толкование текста как навязывание ему читателем своего собственного смысла, который может кардинально отличаться от реально заложенного. В то же время само интерпретирующее «Я» понимается Ж. Деррида как своеобразный текст, «составленный» из культурных систем и норм своего времени, и, следовательно, способность к интерпретации

со стороны этого «Я» заранее ограничена исторической обусловленностью его норм и систем. При этом мыслитель настаивает на том, что объективная интерпретация текста невозможна еще и потому, что невозможно отыскать «предшествующую» любому «письму» первоначальную традицию, поскольку любой текст, даже самый древний, обязательно ссылается на еще более ветхое предание и так до бесконечности. А потому любое «письмо» или любой культурный текст для Ж. Деррида никогда не является простым средством выражения истины. И в таком понимании язык и текст приобретают самодовлеющий характер, исключая субъект из процесса коммуникации, что порождает, в свою очередь, его уничтожение в том или ином виде.

Это проявляется в становлении и развитии нового вида власти – власти информационной, основанной на тотальности коммуникации. Ведь если исходить из постструктуралистской позиции, задача любого коммуникативного действия – создать коннотативную реальность, скрыть любыми путями реально существующую социальную структуру, и даже саму природу человека от него самого. В своем рассуждении о симуляции Ж. Бодрийяр [5] говорит о фундаментальной основе человеческого «Я», о его потребностях, которые с помощью умелой рекламы создает искусственные потребности. Задача современной коммуникативной технологии заключается в том, чтобы сформировать общество потребления, где из всего набора представленных товаров и услуг действительно необходимым является относительный минимум. И в этом смысле массовые информационные технологии действуют опять по аналогии с тоталитарными режимами: будучи тотальными сами по себе (ведь вне языка и взаимодействия субъектов общество существовать и воспроизводиться не может), они задают определенную направленность жизни человека на всех уровнях его бытия. Выходя за рамки описательности в отношении окружающего мира, они берут на себя функцию создателя, в основе созданного мира лежит фундаментальная идея – сокрытие истинного состояния вещей.

Именно в связи с этим возникает вопрос взаимодействия тотальной коммуникации и власти, которая преобразуется под натиском значительных культурных изменений. Власть по природе своей стала коммуникативной, и именно коммуникативная онтология социальности предполагает понимание власти как ориентированной на реализацию интересов, отраженных в коммуникациях. Власть обращается к миру повседневности, что порождает манипуляционную природу власти, взамен стандартной силы и принуждения. Следует отметить, что в данном случае речь идет не только и не столько о политической, сколько об информационной власти, которая во многом возникает и расширяется благодаря разрушению традиционных связей, основанных на традиционной коммуникации, на-

правленной на сохранение социальной целостности рода, религии, семьи. Коммуникационная революция трансформировала и статусную роль масс-медиа, вызвав небывалый по масштабу рост «Я-формирующих» технологий. Существенным свойством информационной власти является специфика ее воздействия посредством целенаправленного распространения (или блокирования) определенных сведений, информации, что не воспринимается как внешнее принуждение. «Четвертая власть» проявляет себя через управление коммуникациями, их содержанием, направленностью посредством информации; она отличается от обычного информационного влияния интенсивностью, высокой степенью контроля за поведением реципиента, хотя грани между собственно властью и влиянием относительно размыты. Особую роль в реализации манипулятивного потенциала информационной власти играют политические коммуникации, взаимодействие по поводу реализации коллективных интересов с помощью государственной власти. При этом влияние информационной власти на политическое поведение выражено либо в побуждении к действиям, либо через блокирование действий политической оппозиции.

Резюмируя, следует отметить, что коммуникации, обладая исторически сложившимся тотальным характером, обретают в современной культуре качественно иной облик, приобретая общие черты с тоталитаризмом, который, однако, качественно отличается от политического. Объединяет их общее стремление создать новое идеальное будущее путем тотального контроля над человеком. Однако при детальном анализе обнаруживаются существенные расхождения. Тоталитаризм стремится сконструировать так или иначе идеальный мир, задача же современных коммуникаций – скрыть истину, ибо единственный человек, который должен в конечном итоге стать счастливым, – это заказчик.

Необходимо также отметить, что сама по себе коммуникация предполагает взаимодействие, основанное на социальной природе человека. А взаимодействие, в свою очередь, должно основываться в идеале на равноправии субъектов, в нем участвующих, но именно этого не обнаруживается в современном глобальном коммуникационном процессе, направленном (хотя и не из единой властной точки, а из их множественности) на субъекта в виде набора манипулятивных технологий, формирующих выгодный для крупных финансовых корпораций и политических властей образ действительности. Действительность же эта по отношению к человеку тотальна. Однако от тоталитарного режима ее отличает то, что эта реальность направлена не на отсечение потребностей, не на их ослабление (без жертвы настоящего не может быть великого будущего, к которому призывают строители тоталитарных режимов), а на создание бесконечного числа новых потребностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории // Западная теоретическая социология 80-х годов. – М.: Наука, 1989. – 189 с.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 264 с.
3. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. – СПб.: Наука, 1998. – 254 с.
4. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 253 с.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 389 с.

Поступила 24.10.2012 г.

УДК 130.2

РЕЛИГИЯ, СВОБОДА СОВЕСТИ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ МИРЕ

Т.П. Минченко

Томский научный центр СО РАН

E-mail: tpm80@mail.ru

Выделены основные подходы к пониманию постсекулярного как нового пространства, связанного с преобразованием прежнего деления на светское и религиозное. Исследовано влияние компьютерных технологий, включая Интернет, на трансформацию религиозности. Выявлены типы религиозно обусловленных пространств в виртуальном мире и крайние позиции в обосновании места и роли религии в киберпространстве. Показана роль принципа свободы совести как условия подлинности существования.

Ключевые слова:

Постсекулярный мир, религия, киберпространство, свобода совести.

Key words:

Postsecular world, religion, cyberspace, freedom of conscience.

Предметом исследования является то, какие качественно различные типы существования религии в киберпространстве можно выделить, и какова роль принципа свободы совести в связи с развитием высоких технологий в условиях новой постсекулярной реальности.

Прежде всего, необходимо обозначить культурный контекст, в пространстве которого происходит трансформация религии. Это связано с выявлением характеристик постсекулярного мира с различных мировоззренческих позиций.

Особенностью современного глобализирующегося мира является то, что секуляризация более не воспринимается как основополагающая закономерность развития современного общества. Для описания новой реальности предлагаются понятия «постсекулярности» и «десекуляризации» [1–4 и др.].

Специфика нового этапа развития общества в том, что прежнее разделение на секулярное и сакральное качественно меняется, поскольку происходят значительные изменения как в характере светской, так и религиозной культуры. Новая реальность постсекулярного как феномен постклассического мира, проникает в сферу светского и религиозного, проблематизируя их различие.

Согласно ведущему американскому социологу и политологу С. Хантингтону, десекуляризация мира является одним из доминирующих социальных явлений конца XX в. [5. С. 35] и представляет собой обратную сторону процесса глобализации, связанную с тенденцией возрождения религиозно-

сти в мире, хотя еще недавно были широко распространены представления об изживании религии в связи с прогрессом науки и технологий.

Постсекулярный мир можно определить как новое пространство, в котором уже не действуют прежние правила модерны, в том числе в связи с окончанием доминирования секулярных идеологий XX в., упрощением религиозности до образа жизни и приходом конструктивной светскости на место антирелигиозной. Вместе с тем, содержание понятий с приставкой «пост-» достаточно условно, они не определяют явления, а скорее метафорически на них указывают. Является ли постсекулярность чем-то противоположным секулярности (антисекулярностью), либо отличным от нее (несекулярностью, что тоже не является логически корректным термином, поскольку отрицательное понятие указывает лишь на то, чем не является предмет и не содержит положительных качественных характеристик), постсекулярностью, либо возвратом к сакрализации или чем-то другим? Современные исследователи не дают однозначного ответа на вопрос о содержании понятия постсекулярности.

Несмотря на отсутствие общепринятого определения «постсекуляризма», научное сообщество согласно в том, что современный этап развития общества связан с формированием нового типа отношений между секулярным и религиозным сознанием. Если в секулярном обществе недавнего прошлого эти отношения были основаны на домини-